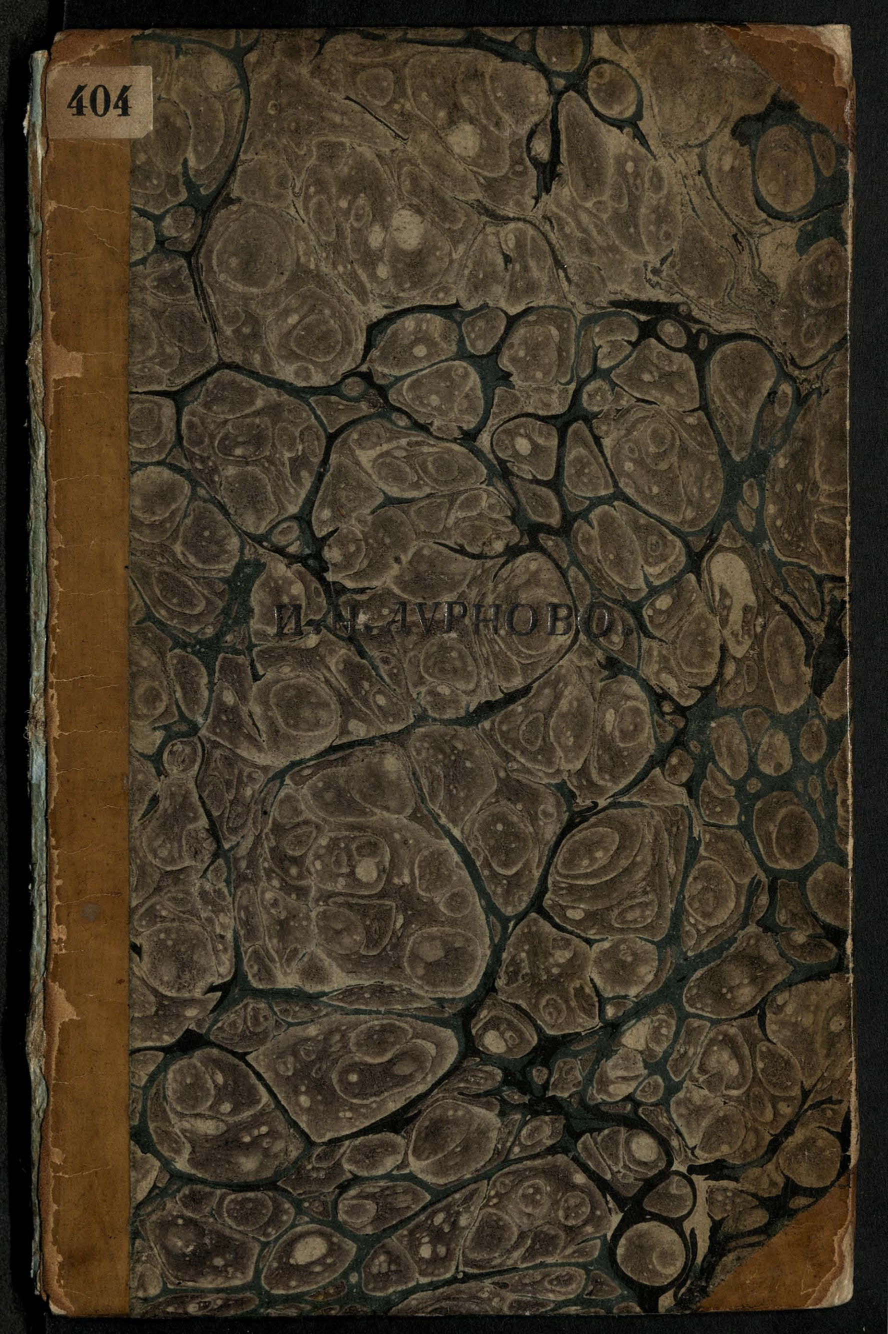

404
И.Н.ДУРНОВО

ФРАНЦУЗЫ
ВЪ ЛОНДОНѢ,
КОМЕДІЯ
ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

Сочинена Г. Буасси.

Переведена съ Французскаго
Пелагіею Вельяшевою - Волынцовою.

Иждивеніемъ Н. Новикова
и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
въ Университетской Типографіи у Н. Новикова,
1782 года.

Дѣйствующія Лица:

МАРКИЗЪ ПОЛИНВИЛЬ, молодой господинъ Французской.

БАРОНЪ ПОЛИНВИЛЬ, двоюродной братъ его.

ЕЛІАНТА, молодая вдова Аглинская.

МИЛОРДЪ КРАФЪ, отецъ Еліантинъ.

МИЛОРДЪ ГУЗЕЙ, сынъ его.

ЯКОВЪ РОЗБИФЪ, купецъ Аглинской.

ФИНЕТА, служанка Еліантина, Француженка.

Дѣйствіе въ Лондонѣ, въ знатной гостинницѣ.

ЕЯ СІЯТЕЛЬСТВУ,

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ

ШТАТСЪ ДАМѢ,

ГРАФИНѢ

АННѢ РОДІОНОВНѢ

ЧЕРНЫШЕВОЙ.

СІЯТЕЛЬНѢЙШАЯ ГРАФИНЯ!

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Въ знакъ благодарнаго за милостивые Вашего Сіятельства и снисходительные всѣмъ пріемы, осмѣлилася я первой мой переводъ приписать имени Вашего Сіятельства.

Удостойте, Милостивая Государыня, принять, хотя и весьма малой, но отъ искренняго усердія подносимой трудъ; и ощастливте

те меня тѣмъ, чтобъ могла я препоручить себя въ Вашу милость и называться

СІЯТЕЛЬНѢЙШАЯ ГРАФИНЯ,

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА,

Покорнѣйшею услужницею,
Пелагія Вельяшева-Волынцова.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ ЛОНДОНѢ,

КОМЕДІЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Баронъ Полинпигъ и Маркизъ Полинпигъ.

Маркизъ.

Я бы не выѣзжалъ изъ Парижа, средоточія всѣхъ веселостей и учтивостей, и весьма бы обошелся, не видавши столь скучнаго и столь дурнаго города, каковъ есть Лондонъ.

Баронъ.

Я тебя извиняю Маркизъ: ты бы заговорилъ другое, естьли бы имѣлъ время узнать ето мѣсто получше.

Маркизъ.

Нѣтъ, Баронъ! я довольно знаю Лондонъ; хотя и живу въ немъ не

болѣе трехъ недѣль; и естьли Агличане имѣютъ у себя что нибудь лучшее, то то, что говорятъ они почти всѣ Французскимъ языкомъ, да еще и тотъ обезображиваютъ.

Баронъ.

Мы сами его по большей части обезображиваемъ; да буде бы мы говорили и однимъ нашимъ языкомъ, то и тогда бы увидѣли, что разговоръ ихъ наполненъ здравымъ разсужденіемъ.

Маркизъ.

Разговоръ ихъ! У нихъ совсѣмъ его нѣтъ. Они сидятъ по цѣлому часу ни мало не говоря, и не сказавши ничего, кромѣ horrd eyd o! *какопы пы пь споемь здоропьѣ*? А такое обхожденіе увеселительно!

Баронъ.

Хотя Агличане и не стараются блеснуть своимъ разумомъ, однако они весьма глубокомысленны.

Маркизъ.

Сказать ли тебѣ правду? По моему мнѣнію кажется, что вмѣсто того, чтобъ провождать Агличанамъ три

четвер-

четверти своей жизни въ разсужденiяхъ о правленiи, и въ читанiи измятыхъ вѣдомостей, сдѣлали бы они гораздо лучше, буде бы звали къ себѣ гостей, научилися бы принимать честныхъ людей ласковѣе, и постаралися бы узнать обстоятельнѣе, какого почтенiя достойны всѣ тѣ, которые умѣютъ наряжаться и блестѣть своимъ разумомъ.

Баронъ.

Какъ принуждаешь ты меня говорить съ тобою важнымъ образомъ: то и знай Маркизъ, что не надобно больше трехъ или четырехъ такихъ глупыхъ головъ, какова твоя, дабы совсѣмъ насъ обезславить въ такой землѣ, гдѣ и такъ уже о нашемъ разумѣ заключаютъ не весьма выгоднымъ для насъ образомъ, и которой ты оказалъ при двухъ или при трехъ случаяхъ, по коимъ узналъ тебя весь городъ.

Маркизъ.

Тѣмъ лучше: знатные люди, отъ того что спознаютъ объ нихъ всѣ, не теряютъ ничего.

Баронъ.

Ето такъ: да по нещастію знаютъ тебя здѣсь не съ хорошей стороны и почитаютъ поступки твои смѣшными. Всѣ говорятъ что ты Французской дворянинъ, столь ревностной къ обхожденіямъ своего отечества, что нарочно пріѣхалъ въ Лондонъ, чтобъ наставлять Агличанъ явнымъ образомъ, и научать, какъ должно имъ жить.

Маркизъ.

Они имѣли бы въ томъ великую нужду; да и я бы былъ къ тому весьма способенъ.

Баронъ.

Однако знаешь ли ты, мой любезной родственникъ, что любовь къ поступкамъ Французскимъ тебя ослѣпляетъ и принуждаетъ дурачиться? Вмѣсто того, чтобъ заставить жить тотъ народъ, у котораго ты находишься, по твоему, тебѣ надлежитъ соглашаться съ ихъ обычаями, и что безъ разумнаго установленія Лондонской полиціи, ты бы надѣлалъ вмѣсто одной дватцать шалостей.

Маркизъ.

Да знаешь ты, большой мой братецъ, что три года пребыванія твоего въ Лондонѣ совсѣмъ почти испортили твой вкусъ, и ты уже нѣсколько принялъ на себя того страннаго вида, которой имѣютъ всѣ жители здѣшняго города.

Баронъ.

Не уже ли жители здѣшняго мѣста имѣютъ странной видъ? Что за дьявольщину ты мнѣ говоришь?

Маркизъ.

Я говорю, что они не имѣютъ у себя сего вида вольнаго, открытаго, ласковаго, предупредительнаго, пріятнаго; однимъ словомъ, того превосходнаго вида, которымъ снабжены всѣ Французы.

Баронъ.

Ето правда; господа Агличане виноваты, что имѣютъ они у себя Аглинской видъ; а у нихъ бы должно быть въ Лондонѣ такому виду, которой имѣемъ мы въ Парижѣ.

Маркизъ.

Пожалуй не смѣйся! Какъ находится одинъ только хорошей вкусъ, то также

же надлежитъ быть и одному хорошему виду; а онъ-то, безъ всякаго противорѣчія, у насъ и господствуетъ.

Баронъ.

Въ семъ-то они съ тобою и поспорятъ.

Маркизъ.

Съ моей стороны я подтверждаю, что человѣкъ, у котораго нѣтъ того вида, какой имѣемъ мы во Франціи, есть такой человѣкъ, которой дѣлаетъ все неловко; которой не умѣетъ ни ходить, ни садиться, ни вставать, ни кашлять, ни плевать, ни чихать, ни утираться: однимъ словомъ, онъ не знаетъ никакого хорошаго обхожденія; а человѣка не знающаго хорошаго обхожденія никуда привести не можно, и которой достоинъ того, чтобъ выбросить его за окошко.

Баронъ.

Ты, господинъ Маркизъ, хвастаешь щегольскими своими ухватками; а буде бы можно было промѣнять большую часть ихъ на здравое разсужденіе, то бы совѣтовалъ я тебѣ сколько нибудь сбыть ихъ съ рукъ.

Мар-

Маркизъ.

Хотя ты поступки мои и хулишь, но однако самыми сими ухватками одолженъ я, что произвелъ побѣду, да еще и самую славную.

Баронъ.

Ето также другая болѣзнь нашихъ Французовъ, которые ѣздятъ по свѣту. Они такъ предувѣрены о мнимомъ своемъ достоинствѣ при женщинахъ, что и думаютъ, будто ни которая изъ нихъ не можетъ устоять противъ прелестнаго ихъ виду и прекраснаго лица; да и заключаютъ, что какъ скоро они только покажутся, то ужѐ и поплѣнятъ всѣхъ красавицъ цѣлаго государства. Возведенной на нихъ ненарочно взоръ, или сдѣланная безъ всякаго намѣренія имъ учтивость, бываетъ для нихъ уже вѣрною порукою о совершенномъ ихъ завоеванiи. Они почитаютъ себя побѣдителями сердецъ; и по тому виду, съ которымъ выѣзжаютъ они изъ Францiи, кажется, не столько ѣдутъ они путешествовать, сколько доставать себѣ чрезъ любовь великое щастiе. Со всѣмъ тѣмъ Маркизъ....

Маркизъ.

Со всѣмъ тѣмъ, вѣчно сумнѣвающійся Баронъ, знай, что увѣренъ я о моей побѣдѣ, не по одному ничего незначущему взору, или по простой учтивости; а знаю то изъ тѣхъ словъ, которыя были говорены мнѣ въ моемъ собственномъ лицѣ.

Баронъ.

Да можно ли сказать, кто такова столь рѣдкая красавица?

МаркиЗъ.

Молодая вдова изъ Кантоберіи, дочь богатаго Лорда, которой теперь живетъ въ Лондонѣ за дѣлами своими. По нечаянному случаю познакомился я съ нею, и нарочно сталъ въ етомъ знатномъ вольномъ домѣ, гдѣ живетъ она уже около осьми дней, послѣ того какъ оставила она прежнее жилище.

Баронъ.

Да какъ она называется?

Маркизъ.

Еліантою.

Баронъ.

Еліантою! Я ее знаю, и видалъ много у пріятельницы ея Клоринды. Она есть госпожа, имѣющая великое достоинство.

Маркизъ.

Ты говоришь мнѣ съ такимъ выраженіемъ, которое заставляетъ меня думать, что и ты къ ней не безпристрастенъ.

Баронъ.

Ето самая истинна; да я того и не скрываю, что изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я видалъ, сталъ бы я искать обладать ею съ большимъ жаромъ. Я признаюся въ томъ чистосердечно, что буде бы сіе зависѣло отъ меня, то употребилъ бы я всѣ свои силы, чтобъ получить мнѣ при ней надъ тобою верьхъ.

Маркизъ (захохотавъ громко.)

Ты хочешь надо мною взять верьхъ! надо мною?

Баронъ.

Надъ тобою самимъ. Я бы то очень охотно учинить отважился.

Мар-

Маркизъ.

Я бы хотѣлъ того посмотрѣть. Да скажи мнѣ, любезной мой братецъ, знаетъ ли она твои о ней мысли?

Баронъ.

Думаю, что не знаетъ.

Маркизъ.

Ты мнѣ очень жалокъ бѣдненькой, и буде согласишься, то беру я на себя, чтобъ увѣдомить ее о твоей къ ней страсти.

Баронъ.

Ты съ лишкомъ скоро стараешься меня одолжить: да я етотъ трудъ приму на себя, и ожидаю только приличнаго случая. . . .

Маркизъ.

О чемъ думать! я хочу тебѣ его сыскать. Да чѣмъ откладывать сіе дѣло въ даль, то вотъ и сама Еліанта идетъ сюда очень къ стату.

ЯВЛЕНІЕ II.

Баронъ, Маркизъ, и Еліанта.

Маркизъ.

Милостивая моя Государыня, изволите ли согласиться, чтобъ представилъ я вамъ Французскаго дворянина, которой мнѣ родственникъ, а къ тому еще и соперникъ. Онъ видалъ васъ у Клоринды, гдѣ вы и плѣнили его сердце, хотя вамъ о томъ еще и неизвѣстно; почему и ищетъ онъ времени, когда бы можно было ему объявить вамъ о своей страсти. А какъ нынѣ случай представляется самъ собою, то я ему оной и доставляю.

Еліанта.

Правда ли ето Маркизъ?

Маркизъ.

Самая истинна: и подъ робкимъ и скромнымъ видомъ скрываетъ онъ въ себѣ самаго опаснаго для васъ мущину. Знаете ли вы, что хочетъ онъ взять у васъ надо мною верьхъ? Надо мною самимъ.

Еліанта.

Перервемъ сей разговоръ. Вы шутки свои доводите весьма далеко.

Баронъ.

Какъ издѣвка ета упадаетъ на одного только меня, то и признаюся, что я ее заслужилъ, и Маркизъ въ шуткахъ своихъ сказалъ вамъ точную правду. Простите мнѣ, Милостивая Государыня, восхищеніе, коимъ не могъ я обладать, и не утерпѣлъ, чтобъ не признаться ему, что не видалъ я никого на свѣтѣ, ктобъ достоинъ былъ такого обожанія, какъ вы, и чтобъ не оказать мнѣ ему своего удивленія, смѣшеннаго съ досадою, за то, что отважился онъ сказать, будто имѣетъ онъ щастіе быть отъ васъ любимымъ.

Еліанта. (*Маркизу.*)

Какъ, государь мой, не уже ли вы ето сдѣлали?

Маркизъ.

Да что тутъ, Государыня моя, дурнаго? Вы знатная женщина, да и я человѣкъ благородной; вы богаты, и я не бѣденъ; вы вдова, а я холостъ; вамъ девятнатцать лѣтъ, а мнѣ не болѣе двад-

дватцати четырехъ; вы прекрасны и я также не дуренъ: почему и сотворены мы другъ для друга. Мы взаимно между собою любимся: такъ на что же намъ то скрывать?

Еліанта.

Да я васъ, государь мой, еще не люблю. А хотя бы и любила, однако я хочу чтобъ происходило то съ большею скромностію, и наблюдалася бы въ томъ тайность.

Маркизъ.

Тайность! на что она, Государыня моя? Ето очень дурно.

Еліанта.

Правда, что такъ водится во Франціи, гдѣ любятъ только по одному виду, и гдѣ желаютъ быть любимымъ единственно для того, чтобъ имѣть удовольствіе тѣмъ похвастать, и гдѣ любовь ничто иное, какъ простая шутка, и одинъ только обманъ, и гдѣ тотъ, которой больше обманываетъ, почитается за искуснѣйшаго; а здѣсь поступается не такимъ порядкомъ. Мы наблюдаемъ лучшую вѣрность, и любимъ толь-

только для того, чтобЪ пользоваться симЪ удовольствіемЪ: почитаемЪ то важнымЪ дѣломЪ, и ето нѣжное чувствіе учиняется между нами чрезЪ сообщеніе нашихЪ мыслей, а не чрезЪ торговлю словЪ.

МаркизЪ.

Однако всегда надобно имѣть у себя какого нибудь человѣка, комубЪ можно было разсказать о любви своей; да и вЪ самыхЪ романахЪ нѣтЪ ни одного героя, которой бы не сдѣлалЪ повѣренности пріятелю своему; почему и открылЪ я о томЪ одному Барону, почитая его за человѣка скромнаго; что и учинилЪ вЪ надлежащемЪ порядкѣ.

БаронЪ.

Я хотя и буду скроменЪ вЪ разсужденіи Милади: однако ничто не обязываетЪ меня кЪ сохраненію той тайны, которую ты мнѣ объявилЪ изЪ одного хвастовства, а отнюдь не изЪ повѣренности.

Еліанта. (*Маркизу.*)

Я нахожу васЪ весьма удивительнымЪ.

Мар-

Маркизъ.

Изволь-ко любезной мой Баронъ шествовать вонъ; ты и не можешь примѣтить, что рѣчи твои ей скучны и непріятны. Однимъ словомъ, ты ей въ тягость, и можешь здѣсь почесться за лишняго человѣка.

Еліанта.

Естьли есть кто нибудь здѣсь лишней, то конечно не Баронъ.

Маркизъ.

Ну, такъ я вижу, Государыня моя, чѣмъ вы тронуты, и чтобъ васъ наказать, то оставлю васъ съ нимъ; пускай онъ съ вами поговоритъ, чѣмъ конечно вреда мнѣ не нанесетъ; а послѣ того не замѣшкавши насладитеся вы и моихъ пріятныхъ разговоровъ.

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Баронъ и Еліанта.

Еліанта.

Вотъ онъ-то, котораго можно назвать настоящимъ Французомъ.

Баронъ.

Пожалуйте, Милостивая моя Государыня, не смѣшивайте всѣхъ Французовъ съ нимъ, и будьте увѣрены, что есть изъ нихъ . . . . . .

Еліанта.

Я то знаю, государь мой, и не такъ несправедлива, ни столь безразсудна, чтобъ не чувствовала той разности, которая находится между вами и имъ, и чтобъ не приписывала я вамъ всего того почтенія, котораго вы достойны.

Баронъ.

Такъ, Государыня моя, вы меня почитаете, а Маркиза любите.

Еліанта (*въ смятеніи*).

Я люблю Маркиза! Кто вамъ объ етомъ сказалъ, государь мой?

Ба-

Баронъ.

Ваше смущеніе и самой тотъ видъ, съ которымъ вы отъ того отговариваетесь.

Еліанта.

Нѣтъ, я его не только не люблю, а презираю.

Баронъ.

Я это знаю, Государыня: таковое презрѣніе есть ничто иное, какъ одна притворная любовь. Вы его любите тѣмъ больше, что вы за то сердитесь, что вамъ говорятъ о вашей къ нему любви.

Еліанта.

А чтобы вы сказали тогда, естьли бы вышла я замужъ за другова?

Баронъ.

За другова! Сколько бы я былъ щастливъ, буде бы выборъ вашъ упалъ на меня; вы не могли бы отмстить благороднѣйшимъ образомъ Маркизу, ни сдѣлать величайшаго удовольствія такому человѣку, которой сталъ бы любить васъ весьма нѣжно во всю жизнь свою.

Еліанта.

Господинъ Баронъ. . . .

Баронъ.

Не хвастая о себѣ могу сказать, что имѣю у себя весьма довольной достатокъ, происхожу изъ знатной породы, и горю къ вамъ величайшею страстію.

Еліанта.

Государь мой, какъ ето дѣло довольно важно, то и требуетъ оно здраваго разсужденія: почему и прошу у васъ времени, въ которое бы могла я объ немъ подумать.

Баронъ.

Прощайте, Государыня моя: я васъ оставляю. Любовь ваша старается у васъ за Маркиза. Вы его всегда любите, да я и нахожу въ васъ одинъ только етотъ порокъ, отъ котораго и думаю, что вы не очень скоро исправитесь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Еліанта одна.

Я очень скоро отъ него исправлюся, потому что будучи женщиною, могу немедленно его позабыть, а хотя и могла я прельститься его пріятностями и блескомъ наружнаго его достоинства: однако какъ при всемъ томъ я и Агличанка, то и способна къ тому, чтобъ могла я употребить весь мой разсудокъ. Но естьли Маркизъ будетъ продолжать....

ЯВЛЕНІЕ V.

Финета и Еліанта.

Финета.

Милостивая Государыня, вотъ письмо, которое позабыла отдать вамъ вчерашней вечеръ.

Еліанта.

Посмотримъ его: ето пишетъ ко мнѣ отецъ мой, я очень узнаю его почеркъ.

(*читаетъ.*)

Я пыѣзжаю пъ то самое премя, какъ посылаю къ тебѣ ето письмо, и заптра непремѣнно прибуду пъ Лондонъ. Ко мнѣ писали изъ сего города, что братъ тпой находится пъ дурныхъ обстоятельстпахъ, и что недапно сдѣлалъ онъ себѣ сопсѣмъ нопое знакомстпо съ однимъ настоящимъ Французскимъ Маркизомъ, которой старается пъ конецъ его испортить; а какъ я не могу пробыть пъ Лондонѣ больше трехъ дней, и долженъ оттуда ѣхать пъ Ямайку, то и познамѣрился пзять его съ собою; а тебя прежде отъѣзда моего пыдать замужъ за Якопа Розбифа. Онъ очень богатой купецъ, и песьма честной челопѣкъ, а притомъ и имѣетъ допольно разума, хотя притомъ немножко и страненъ. Чрезпычайная тпоя молодость не позполяетъ тебѣ остаться пдопою, да я и думаю, что ты не сдѣлаешь затрудненія пъ томъ, чтобъ согласиться тебѣ съ желаніемъ такого отца, которой ищетъ единого только тпоего благополучія, и которой тебя любитъ съ пеликою нѣжностію.

Милордъ Крафъ.

Фи-

Финета.

И такъ государь вашъ батюшка пріѣдетъ сюда сегодня, чтобъ выдать васъ за Якова Розбифа. Боже милосердый! Ето изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ прямой Агличанинъ, самой непріятной, самой молчаливой и самой неучтивой.

Еліанта.

Ахъ, Финета, какая вѣдомость! сердце мое колеблется различными движеніями, которыхъ не могу я согласить. Я люблю Маркиза, а не долженствую имѣть къ тому большаго почтенія; почитаю Барона, и хотѣла бы его любить; ненавижу Розбифа, а надлежитъ мнѣ, по желанію отца моего, за него вытти замужъ.

Финета.

Однако, Государыня моя, не вдова ли вы, и потому не сама ли госпожа въ своихъ поступкахъ?

Еліанта.

Великая моя младость, всегда оказываемая ко мнѣ отъ родителя моего любовь, и ожидаемое мною отъ него наслѣдство, не позволяютъ мнѣ выходить изъ его повелѣнія.

 Фи-

Финета.

Какъ! не уже ли послѣ того, что вы выштерпѣли отъ перваго вашего мужа, вознамѣрилися вы выттти еще за Агличанина? Не ужъ то позабыли вы столь скоро ту скучную жизнь, которую вели вы съ нимъ цѣлые два года? Онъ будучи всегда угрюмымъ и грубымъ, не говаривалъ вамъ ни одноголасковаго слова, вставалъ по утрамъ сердитымъ, а приходилъ по вечерамъ пьянымъ, и оставлялъ васъ по цѣлымъ днямъ одну, либо доведенную до того, чтобъ проводить свое время въ скукѣ съ такими же нещастными женщинами, какъ и вы, и вмѣсто всякаго увеселенія вязать чулки, и трудиться въ прочихъ рукодѣліяхъ, и въ замѣну разговоровъ играть опахаломъ. Лучше умру, нежели соглашусь, чтобъ учинили вы такое замужство; или тотъ часъ отойду я отъ васъ прочь.

Еліанта.

Что же ты мнѣ совѣтуешь?

Финета.

Чтобъ вы имѣли большую отважность къ сдѣланію себя счастливою, и вы-

вышли бы за моего земляка Француза. Разсудите сударыня! они самые лучшіе мужья въ свѣтѣ, и могутъ служить образцомъ въ другихъ земляхъ; а притомъ всякой Французъ и сдѣлаетъ во сто разъ больше ласки и учтивости женѣ своей, нежели Агличанинъ самой своей любовницѣ. Такая прекрасная госпожа, каковы вы, была бы обожаема своимъ мужемъ во Франціи; да онъ бы и не думалъ сдѣлать лучшаго употребленія своему имѣнію, какъ раззоряя себя, употребить его къ вашему удовольствію; и онъ бы не имѣлъ большаго веселія, какъ то, чтобъ видѣть васъ блестящую своими уборами, привлекающую на себя всѣхъ взоры, и плѣняющую сердца. Лучшія комнаты, богатѣйшая карета и прекраснѣйшіе служители были бы опредѣлены для васъ; вы бы увидѣли безпрестанно множество обожателей, старающихся вамъ понравиться, выдумывающихъ для васъ новыя утѣшенія, разсматривающихъ ваши склонности, и предупреждающихъ всѣ ваши желанія, да и дѣлающихъ для васъ богатыя пирушки. Вы бы тамъ переходили изъ веселья въ веселье, чему бы

супругъ вашъ и противоръчить не осмѣлился, боясь, чтобъ не былъ онъ освистанъ отъ всѣхъ честныхъ людей.

Еліанта.

Да скажи мнѣ, Финета, какъ можно склонить мнѣ отца моего?

Финета.

Надобно говорить ему съ благородною твердостію, какая прилична вдовѣ, не выходя изъ надлежащаго почтенія: надлежитъ ему представить, что Агличане не могутъ сдѣлать женъ своихъ благополучными, что и знаете вы по опыту; и что сватается за васъ гораздо выгоднѣйшій и согласнѣйшій съ вашею склонностію женихъ, Французской Маркизъ, которой молодъ, богатъ и собою очень хорошъ.

Еліанта.

Отецъ мой никогда на то не согласится. Онъ уже противъ него предупрежденъ, какъ видно изъ письма его, потому что пишетъ онъ въономъ конечно о немъ.

Финета.

Отецъ вашъ человѣкъ разумной, и потому не трудно его уговорить.

Елі-

Еліанта.

Да и сама я не имѣю причины быть довольною Маркизомъ. Его нескромность и вѣтренность. . . .

Финета.

Хорошо, однако надобно ему что нибудь и опустить въ разсужденіи его молодости и пріятностей. Е! да вотъ идетъ братецъ вашъ Милордъ Гузей, съ которымъ надобно говорить уже о другомъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Милордъ Гузей, Еліанта и Финета.

Милордъ Гузей.

А! здравствуй сестрица.

Еліанта.

Здравствуй братецъ. Ты съ нѣкотораго времени очень рѣдко намъ кажешься!

Милордъ Гузей.

Что ты говоришь? Сама ты перемѣнила домъ, и я узналъ о новомъ твоемъ жилищѣ только сегодня. Съ того вре-

времени, какъ я съ тобой не видался, былъ увлеченъ разными веселостями; да и сдѣлалъ знакомство съ однимъ молодымъ Французскимъ господиномъ, которой называется Маркизомъ Полинвилемъ. То-то самой разумной и пріятной человѣкъ! посмотри-тко на меня, на меня говорю я! про котораго можно сказать безъ всякаго хвастовства, что блещетъ между всѣми щеголями, кои находятся въ Лондонѣ, но передъ нимъ ничто иное, какъ шалунъ. Я почитаю, что съ того только времени началъ я и жить, какъ узналъ сего человѣка: сколь много научилъ онъ меня во время пяти или шести разговоровъ; и какъ исправился я въ тѣ четыре дни, кои препроводилъ я съ нимъ вмѣстѣ, єто почти совсѣмъ невѣроятно; да и ты сама должна меня найти совсѣмъ перемѣнившимся.

Еліанта.

Єто правда, что нахожу я тебя гораздо страннѣе обыкновеннаго.

Финета.

Не вѣрьте, сударь, ей! Я никогда не видала васъ столь щеголеватаго, какъ нынѣ.

Ми-

Милордъ Гузей.

Я прежде сего былъ дуракъ, робокъ, неловокъ; и когда бывалъ съ госпожами, то и не зналъ, что мнѣ съ ними говорить; а теперь уже совсѣмъ не тотъ человѣкъ. Естьли бы ты меня увидѣла въ женскомъ собраніи, то бы и сама ты удивилася сестрица. Я тамъ рѣзовъ, шутливъ, вѣтренъ, прыгаю, и перелетая отъ одной къ другой, увеселяю всѣхъ, при людяхъ кажуся я учтивымъ и весьма почтительнымъ, но будучи одинъ на одинъ, становлюся весьма предпріимчивымъ; потому что ничто такъ не нравится прекрасному полу, какъ благородное нахальство.

Еліанта.

Ты портишь себя братецъ, и входишь въ самую распутную жизнь.

Финета.

Небольшая распутность ни мало не портитъ молодаго человѣка, и ничто такъ его не выправляетъ, какъ обхожденіе съ женщинами.

Милордъ Гузей.

Финета говоритъ сущую правду, и она-то преподала мнѣ первыя наставленія

вленія о учтивости, чего я никогда и не забуду, однако она очень скромна, и краснѣется отъ моихъ себѣ похвалъ. Виватъ женщины! Онѣ-то суть душа всѣхъ веселостей. На примѣръ, за столомъ ничто такъ не прелестно, какъ хорошая и нѣсколько выпившая вина женщина съ рюмкою въ рукахъ ея. Всѣ наши Агличане не разумѣютъ прямыхъ своихъ выгодъ, отдаляя ихъ отъ своихъ собраній. Они любятъ пить для того, чтобъ напиться до пьяна; а притомъ и приносятъ съ собою скуку и въ самыя веселыя собранія. Одни только Французы могутъ гулять съ пріятностію. Третьяго дня былъ я съ Маркизомъ въ гостинницѣ *Краснаго Льва*, и пользовался самымъ нѣжнымъ ужиномъ, которой готовилъ Французской поваръ; а кушанья ставлены были хотя и на маленькихъ блюдичкахъ, но весьма хорошаго вкуса. Съ нами находилося нѣсколько женщинъ, и я право во всю жизнь мою такъ не веселился, какъ въ етотъ вечеръ. Сколько оказывали тамъ разума! какая была веселость! какою пользовалися мы роскошью! сколько наговорили мы хорошихъ словъ! я и тебя

тамъ

тамъ поминалъ много разъ. Такой-то я доброй братъ!

Еліанта.

И такъ вижу я ясно, что Французской Маркизъ очень хорошей учитель и наставилъ тебя изрядно.

Милордъ Гузей.

Я хочу его съ тобою познакомить, и это будетъ очень не дурно; да мнѣ уже и извѣстно, что живетъ онъ въ етой же самой гостинницѣ. Я уже ему о тебѣ говорилъ, не сказывая тебя по имени. Теперь пришло мнѣ въ голову, какъ долженъ я сегодня поподчивать его ужиномъ въ *Красномъ Львѣ*, и все уже къ тому приготовлено, то и надобно, чтобъ и ты была тамъ съ нами, также и Финета.

Финета. (*кланяяся.*)

Вы дѣлаете мнѣ, сударь, много чести.

Еліанта.

Я весьма на то согласна; но съ тѣмъ договоромъ, чтобъ и батюшка нашъ, которой прибылъ сегодня, находился тамъ же.

Ми-

Милордъ Гузей.

Отецъ мой прибылъ сегодня?

Еліанта.

Конечно; а отчасти заставили его сюда пріѣхать ваши шалости, о коихъ былъ онъ увѣдомленъ.

Милордъ Гузей.

Онъ прибылъ весьма не къ стати. Сколько отцы наши для насъ безпокойны! Вотъ ужинъ мой совсѣмъ уже разстроенъ. Прощай сестрица: мнѣ надобно приказать, чтобъ не готовили стола и послать къ гостямъ съ отказомъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Еліанта и Финета.

Финета.

Братецъ вашъ изрядно повыправился.

Еліанта.

Лучше скажи, что онъ испортился, и вотъ уже записался въ собраніе Аглинскихъ нашихъ молодцовъ; а ето мастерство здѣсь тѣмъ несноснѣе, что находятся въ немъ всѣ пороки Французскихъ петиметровъ, не имѣя ихъ пріятностей. Но кто то идетъ? Ахъ! ето мерз-

мерзской Розбифъ; а съ того самаго времени, какъ отецъ мой захотѣлъ выдать меня за него замужъ, и кажется онъ мнѣ гораздо еще дурнѣе.

Финета.

Ето очень естественно. Извольте, Государыня, войти въ свою комнату, и оставьте мнѣ на попеченіе принять его вмѣсто васъ; такъ я его и отправлю скорѣе по Французски.

(Еліанта уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Якопъ Розбифъ и Финета.

Розбифъ (Финетѣ, которая дѣлаетъ ему многіе поклоны.)

Перестань расточать твои поклоны, которые не значатъ ничего.

Финета.

Какъ вы по природѣ своей весьма учтивы и почтительны противъ всѣхъ людей, то и нетягостно никому быть также учтивымъ и противъ васъ самихъ.

Розбифъ.

И слова эти также пустыя; а приступимъ скорѣе къ дѣлу: гдѣ теперь Еліанта?

Финета.

Она никого къ себѣ не допускаетъ.

Розбифъ.

Ей непремѣнно должно допустить къ себѣ своего жениха.

Финета (захохотавши громко.)

Вы ее женихъ? Ха! ха! ха!

Розбифъ.

Да, я самъ. Что же въ этомъ смѣшнаго?

Финета.

Извините меня, государь мой; да видъ вашъ столь страненъ, что и не могу я удержаться отъ смѣха.

Розбифъ.

Ты, со всею своею учтивостію, самая безстыдная дѣвка.

Финета.

Однакожъ, государь мой! . . . .

Ро-

Розбифъ.

Меня называютъ Яковомъ Розбифомъ, а отнюдь не государемъ; да уже и сказано тебѣ, другъ мой, больше ста разъ, что такое названіе поражаетъ мои уши; потому что есть очень много бездѣльниковъ, которые украшаются этимъ же именемъ.

Финета.

Ну инъ будьте по желанію вашему Яковомъ Розбифомъ; да только, Бога ради, посмотритеся вы въ зеркало, почему и увидите сами, что вы не столь хорошо одѣты, чтобъ могли быть представленнымъ къ Милордовой дочери, и не такъ прекрасны, чтобъ сдѣлаться вамъ ея супругомъ. Я хочу вамъ показать нѣкотораго молодаго Маркиза, которой живетъ въ здѣшнемъ же самомъ домѣ; однако и самого его не льзя еще сравнить съ нашими молодыми господами, кои служатъ при Дворѣ.

Розбифъ.

Я бьюсь объ закладъ, что этотъ самой тотъ подлинникъ Маркизъ Полинвиль, о коемъ слышалъ я уже очень много; да и было бы мнѣ не непріятно,

естьли бы увидѣлъ я того человѣка, котораго описали мнѣ столь смѣшнымъ образомъ.

Финета.

Пожалуй говори съ большимъ почтеніемъ о Французѣ, а притомъ и о благородномъ еще человѣкѣ.

Розбифъ.

Полно мнѣ напѣвать о твоихъ знатныхъ людяхъ! Я смѣюся всѣмъ выдуманнымъ благородствамъ; и по моимъ мыслямъ истинные благородные суть тѣ, которые наблюдаютъ честность; а подлымъ человѣкомъ назвать можно лишь только того, кто зараженъ пороками.

Финета.

Этотъ разговоръ пахнетъ такимъ купцомъ, которой вмѣшивается въ Философію, а какъ вижу я идущаго сюда господина Маркиза, то въ немъ и найдете вы такого человѣка, съ которымъ можно будетъ вамъ продолжать свой разговоръ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Маркизъ, Розбифъ и Финета.

Финета (*Маркизу.*)

Господинъ Маркизъ, посмотрите: вотъ человѣкъ, котораго даю я вамъ поочистить, въ чемъ и имѣетъ онъ великую нужду: такимъ образомъ я вамъ его и препоручаю; а имя его Яковъ Розбифъ, пожалуйте этого не позабудьте.

(*выходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Маркизъ (*особлипо.*)

Она говоритъ это не безъ причины; сей человѣкъ не имѣетъ у себя выгоднаго виду. Однако что до того дѣла? стану говорить съ нимъ учтиво и притворюся ласковымъ. (*Розбифу*) Государь мой, можно ли у васъ спросить, чѣмъ пріобрѣлъ я себѣ ту честь, что имѣете вы обо мнѣ особливое вниманіе?

Розбифъ.

Изъ одного только любопытства.

Маркизъ.

Но притомъ, не могу ли свѣдать, къ чему могу быть я вамъ потребнымъ?

Розбифъ.

Чтобъ сказать мнѣ самую истинну, вы ли Маркизъ Полинвиль?

Маркизъ.

Да, это я самъ.

Розбифъ.

Узнавши это, хочу я сѣсть, чтобъ можно было разсмотрѣть васъ гораздо способнѣе. (*Садится на кресла*)

Маркизъ.

Вы, государь мой, кажется мнѣ, обходитесь безъ наблюденія излишнихъ обрядовъ.

Розбифъ (холоднымъ видомъ.)

Ну же начинай, покажи мнѣ твои поступки, сдѣлай передо мною твои увертки, и поговори модныя слова, а я уже приготовился и глядѣть и слушать.

Маркизъ.

Какъ другъ мой Розбифъ! мнѣ кажется, ты право надо мною насмѣхаешься. Но это нѣтъ ничего, право нѣтъ ни-

ничего: я любаю такихъ людей, которые оказываютъ свой разумъ, хотя бы было то и на мой щетъ. А какъ вижу я, что пришли вы сюда нарочно для показанія своего разума передо мною, то я на то согласенъ; потому что такіе споры дѣлаютъ мнѣ удовольствіе. Но Бога ради поберегися, и знай, что я жестокой противоборникъ, да и побѣждалъ такихъ людей, которые бывали гораздо сильнѣе васъ. Когда мозгъ мой разгорячится, то можно будетъ почесть рѣчи мои за потѣшной огонь, за самыя ракеты и шверморы, и одна изъ нихъ побиваетъ другую: бзъ, пифъ, пафъ, пуфъ! Но что же? вы уже оробѣли и совсѣмъ замолчали, ободритеся, защищайтеся и сражайтеся со мною. Я не люблю получать легкихъ побѣдъ. Вы выстрѣлили одинъ только разъ, да на томъ и остановилися. Вы мнѣ не отвѣчаете ничего: инъ признайтеся по крайней мѣрѣ передо мною, что я васъ побѣдилъ. Ну что же? Я уже бѣшусь. Онъ не говоритъ ни одного слова. Э! Яковъ Розбифъ, вы спите, проснитесь! охъ какой это молчаливой звѣрь! Я думаю, что онъ дѣлаетъ то нарочно,

чтобъ вывесть меня изъ терпѣнія; однако я не буду такъ глупъ, стану подражать его примѣру, и буду продолжать разговоръ свой по Аглински.

(Онъ садится противъ Розбифа, смотритъ на него долгое время, не говоря ни одного слова, потомъ перерываетъ свое молчаніе, говоря ему три, или четыре, раза: houd yed o, и сіи слова препровождаетъ поклонами.)

Естьли кто нибудь вздумаетъ послушать у дверей, то весьма онъ намъ удивится. Такъ только это-то, государь мой, хотѣли вы мнѣ сказать: и потому надобно признаться, что разговоръ вашъ весьма пріятенъ; да и есть чему отъ васъ научиться. Гдѣ взяли вы такія разумныя рѣчи? У васъ проскакиваютъ такія слова, которыя достойны быть напечатаны. Будучи на вашемъ мѣстѣ держалъ бы я при себѣ такого человѣка, которой бы записывалъ всѣ мои острыя слова, а изъ нихъ бы и вышла на свѣтъ по крайней мѣрѣ самая хорошая книга.

Розбифъ (*вставая стремительно.*)

Она не привела бы читателей въ скуку! гораздо лучше молчать, нежели говорить вздоръ, и итти прочь, нежели его слушать. Прости славной Маркизъ: я уже далъ тебѣ довольное время, въ которое могъ ты выказать всю свою глупость; да мнѣ и хотѣлося видѣть, такъ ли ты смѣшенъ, какъ мнѣ о тебѣ сказывали. Надобно отдать тебѣ ту честь, что превосходишь ты все то, что было о тебѣ разславлено, а дѣлаешь дурно только одно то, что допускаешь смотрѣть на себя безъ денегъ. Ты бы былъ весьма хорошій шутъ, и всякой бы охотно заплатилъ за то, чтобъ тебя увидѣть, три шилинга.

(*Выходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Маркизъ одинъ.

Ежели бы на семъ дерзкомъ была шпага, то бы научилъ я его, какъ должно ему со мною говорить.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Маркизъ, Еліанта и Финета.

Финета.

Ну, государь, повычистили ли вы нашего друга?

Маркизъ.

Поди прочь: ты свела меня съ большою каретною лошадью, съ самымъ глупымъ животнымъ....

Еліанта.

Называй инако такого человѣка, которой назначенъ быть моимъ мужемъ.

Маркизъ.

Ему быть вашимъ мужемъ? Эхъ! ежели бы зналъ я это, то бы не выпустилъ его съ ушами. Вы конечно шутите, и этотъ человѣкъ....

Еліанта.

Я совсѣмъ не шучу: отецъ мой ѣдетъ сюда нарочно для этой свадьбы.

Маркизъ.

А вы на то и соглашаетесь?

Еліанта.

Я бы можетъ быть и не согласилася, ежелибъ были вы поразумнѣе; одна-

однако ваша нескромность и вѣтреныя поступки . . . .

Финета.

Полно браниться: у насъ нѣтъ къ тому времени; а станемъ всѣ трое думать, какъ бы избавиться намъ отъ господина Розбифа. Вы, сударыня, начните тѣмъ, чтобъ позабыть Маркизовъ проступокъ.

Елiанта.

Быть такъ! я очень милосерда, и хочу еще его простить, но ужѐ въ послѣднiе, и подъ тѣмъ договоромъ, что будетъ онъ впредь скромнѣе и воздержнѣе. А какъ отецъ мой прiѣдетъ сюда очень скоро, то и прошу я васъ, государь мой, чтобъ въ то время, когда вы его увидите, поудержали вы нѣсколько Французскую вашу живость; а особливо не дѣлайте при немъ никакихъ тѣлодвиженiй, и сколько можно меньше неприличныхъ вывертокъ.

Маркизъ (съ ласкостiю.)

Я вамъ обѣщаю и клянусь, Государыня моя, что впредь буду кротчае и смирнѣе всѣхъ людей на свѣтѣ.

Елїанта.

Хорошо. Говоря, что будете вы смирнѣе и кротче всѣхъ, дѣлаете совсѣмъ напротивъ того. Вы повертываете головою, производите тѣлодвиженїе, и говорите голосомъ и видомъ . . . . .

Финета.

Эхъ, Государыня моя! развѣ желаете вы, чтобъ Маркизъ въ его лѣтахъ имѣлъ на себѣ видъ строгаго Катона.

Маркизъ.

Нѣтъ! ей хочется, чтобъ былъ у меня видъ такой, какой имѣетъ женихъ ея, Яковъ Розбифъ.

Елїанта.

Мнѣ хочется, государь мой, чтобъ былъ у васъ видъ разумной, и чтобъ снимали вы образецъ съ господина Барона.

Маркизъ.

Я не хочу подражать никому, а льщуся, что у меня станутъ перенимать другїе.

Елїанта.

Это очень видно. Однако вспомните, что простила я васъ только съ

тѣмъ

тѣмъ договоромъ, чтобъ перемѣнили вы видъ свой и поступки; а паче всего не ѣздили ужинать въ *Красной Лепъ.* Прощайте; а я иду съ Финетою на встрѣчу отцу моему.

(*уходятъ обѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Маркизъ одинъ.

Она мнѣ говоритъ про *Краснаго Льпа.* Кто бы могъ ей сказать объ ужинѣ, на которомъ тамъ я былъ, куда и нынѣ еще званъ на вечеръ. Но вотъ и Милордъ Гузей! это точно нашъ Амфитріонъ, да и хочется мнѣ отъ него отдѣлаться.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Маркизъ и Милордъ Гузей.

Милордъ Гузей.

Господинъ Маркизъ! я весьма печаленъ, что не могу дать вамъ симъ вечеромъ ужина; батюшка мой прибылъ сей день изъ деревни: почему прошу я васъ, чтобъ отложить оной до другаго времени.

Мар-

Маркизъ.

Я очень этому, любезной мой Милордъ, радъ, потому что и мнѣ не можно бы было туда пріѣхать.

Милордъ Гузей.

А я отъ того въ великомъ отчаяніи; да и щитаю потерянными всѣ тѣ минуты, въ которыя не имѣю я щастія быть съ вами. Всѣ ваши разговоры бываютъ для меня наставленіями, и чѣмъ чаще я васъ вижу, тѣмъ больше чувствую то преимущество, которое земляки ваши имѣютъ надъ нами.

Маркизъ (въ сторону.)

Этотъ молодой человѣкъ имѣетъ для Агличанина довольную учтивость.

Милордъ Гузей.

Научите меня, Бога ради, что вы дѣлаете, чтобы быть такъ пріятнымъ. Я и самъ не знаю, чего-то у насъ недостаетъ, и чего не могу я изъяснить.

Милордъ.

И чему не трудно будетъ вамъ выучиться. Ваши рѣчи и поступки отмѣняютъ уже васъ отъ вашихъ единоземцовъ. Вы умѣете жить, чувствуете

ваше преимущество, и имѣете у себя видъ самаго Француза.

Милордъ Гузей.

Не уже ли имѣю я Французской видъ. Ахъ государь мой! вы не можете ничего мнѣ сказать, чѣмъ могъ бы я больше льститься, и сего-то желаю я паче всего на свѣтѣ.

Маркизъ.

Какъ имѣете вы у себя хорошій вкусъ, то и достигнете до своей цѣли безъ труда, а притомъ снабдены вы отъ природы хорошимъ видомъ и пріятностями, да и можно бы было почесть за убивство, естьли бы были онѣ зарыты въ землю, а надлежитъ оныя открыть. Такъ, государь мой, конечно надобно ихъ открыть: естество начинаетъ произведеніемъ прекраснаго человѣка, а довершаетъ его уже искусство.

Милордъ Гузей.

А въ чемъ точно состоитъ сіе искусство?

Маркизъ.

Въ бездѣлицахъ, которыя не всякой разумѣетъ, однако коихъ не надобно про-

пропускать; въ малостяхъ, кои дѣлаютъ благородному человѣку великое украшенiе. Оно состоитъ въ приличномъ наклоненiи головы, въ пошевеленiи плеча, въ усмѣшкѣ, во взглядѣ; какимъ образомъ надлежитъ садиться, вставать, держать свою шляпу и нюхать табакъ, утираться и плевать. На примѣръ: позвольте мнѣ вамъ сказать, что держите вы теперь вашу шляпу такъ, какъ купеческой сидѣлецъ. Посмотрите на меня, вотъ такъ носятъ ихъ при Французскомъ Дворѣ. Да; вотъ это такъ.

Милордъ Гузей.

Я этого никогда не позабуду, да я уже и перенялъ виды, поступки и ухватки.

Маркизъ.

Не такъ скоро, государь мой, а станемъ подаваться впередъ понемногу; пожалуй не смѣшивай ихъ другъ со другомъ. Виды весьма отличны отъ поступокъ, а онѣ отъ ухватокъ; потому что щеголи поступки знаютъ, ухватки дѣлаютъ, а виды себѣ придаютъ. Всякой свѣтской человѣкъ знаетъ поступки (слушай это прилѣжно, потому въ

са-

самомЪ томЪ состоитЪ искусство умѣть жить), человѣкЪ свѣтской, повторяю я, знаетЪ поступки вЪ разсужденіи почтенія и вниманія для другихЪ; изЪявляетЪ чрезЪ оные отличность, которую онЪ кЪ нимЪ употребляетЪ, и желаніе, которое онЪ имѣетЪ, чтобЪ имЪ понравиться, и пріобрѣсть ихЪ благоволеніе. Когда находится онЪ вЪ собраніи, то старается дѣлать только то, что имЪ пріятно. ОнЪ подставливаетЪ учтивымЪ образомЪ ухо свое кЪ одному, и отвѣчаетЪ ласково другому; иного рѣчи одобряетЪ своею усмѣшкою, и разговариваетЪ пріятнымЪ видомЪ сЪ какою нибудь женщиною; дѣлаетЪ привѣтствіе матерѣ, а взираетЪ нѣжно на дочь ея. ДѣлаетЪ ли кто что нибудь вЪ ваше удовольствіе, однако тотЪ образЪ, сЪ которымЪ онЪ то производитЪ, бываетЪ во сто разЪ пріятнѣе самаго удовольствія. На примѣрЪ: естьли знаетЪ онЪ, что имѣете вы нужду вЪ деньгахЪ, то опуститЪ онЪ ихЪ тихонько вЪ карманЪ вашЪ такЪ, чтобЪ вы того не примѣтили; а хотя такой поступокЪ изЪ всѣхЪ прочихЪ и можетЪ почесться за лучшій, но по нещастію

 упо-

употребляется оной не весьма часто. Естьли же свѣтской человѣкъ и захочетъ вамъ въ чемъ нибудь отказать, то усладитъ онъ отказъ свой словами столь ласковыми и такою учтивостію, что вы почтете оное еще за немалое одолженіе; естьли же придете вы въ гости къ женѣ его, то онъ уйдетъ отъ васъ искусным образомъ, и оставитъ васъ съ нею наединѣ; а такой-то человѣкъ и называется знающимъ жить и имѣющимъ у себя хорошіе поступки.

Милордъ.

Хорошо знать такого человѣка, господинъ Маркизъ! а что же называется ухватками?

Маркизъ.

Пріѣхавшій изъ провинціи дѣлаетъ свои ухватки съ непристойною учтивостію по незнанію обыкновеній и по неимѣнію понятія ни о Дворѣ, ни о столичномъ городѣ, замучитъ онъ васъ своею нескладною учтивостію и задушитъ словами, доказывая сколь много онъ васъ почитаетъ. Онъ затолкаетъ васъ своими локтями для того, чтобъ убѣдить васъ итти посрединѣ улицы и выти-

вытискаетъ въ двери, чтобъ выпустить васъ напередъ его. Ето-то называется учтивою грубостію, или грубою учтивостію: и такъ помните о сихъ ухваткахъ и никогда ихъ не дѣлайте.

Милордъ Гузей.

Я конечно сего не позабуду.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Милордъ Крафъ, Маркизъ и Милордъ Гузей.

Милордъ (вдали театра.)

Я ищу вездѣ моего сына; а! да вотъ онъ здѣсь, и повидимому съ Маркизомъ Французскимъ: дай-ко я сяду и послушаю нѣсколько ихъ разговоровъ.

Милордъ Гузей.

А виды?

Маркизъ.

Щеголь придаетъ себѣ виды, (пожалуй усугубь свое вниманіе, потому что сіе знаніе весьма обширное) щеголь придаетъ себѣ приличные виды для удовольствія своего и для показанія дру-

тимъ сколь много мыслитъ онъ о себѣ, что и дѣлаетъ онъ въ томъ намѣреніи, чтобъ дать имъ знать, что имѣетъ онъ въ себѣ немалое достоинство, и что онъ то чувствуетъ, да и желаетъ чтобъ и прочіе люди то знали. Онъ выступаетъ всегда гордымъ образомъ, поднимаетъ голову вверьхъ, и руками своими подпирается, будто бы желая сказать стоящимъ кругомъ его: посторонитеся, господа! и посмотрите на меня: не имѣю ли я у себя прекраснаго виду? складенъ ли я? А вы, осматривающія меня съ пріятною усмѣшкою, госпожи плутовочки, конечно съ великою радостію желали бы мною обладать. Увидитъ ли онъ идущаго кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ, онъ употребляетъ съ нимъ такую учтивость, какая бываетъ въ обыкновеніи у знатныхъ господъ; дѣлаетъ небольшее наклоненіе своей головы, будто бы онъ ему говорилъ: здравствуй, государь мой! я васъ помню и не лишаю моего покровительства. Естьли же случится ему куда нибудь войти, то тотчасъ бросается онъ въ кресла, кладетъ ногу на ногу, бьетъ тактъ и ворчитъ какую нибудь пѣсен-

пѣсенку. Одною рукою шалитъ онъ по башмаку, а другою держитъ себя за подбородокъ, притворяется быть въ мысляхъ и кажется будто самъ себѣ говоритъ: не прелестной ли я право дѣтина, и лице мое не можетъ ли плѣнить хозяйку здѣшняго дому? Пойдетъ ли онъ въ гости къ какой нибудь мѣщанкѣ, то скажетъ ей: а, здравствуй голубушка! Какова ты въ своемъ здоровьѣ? Ты право хороша какъ Ангелъ! садись поскорѣе подлѣ меня; поцѣлуй и обойми меня; сними свои перчатки и покажи мнѣ свои руки, я ихъ съѣмъ и проглочу. Ахъ! да ты отворачиваешь отъ меня свою голову, пятишься и краснѣешь. Фу! какъ тебѣ нестыдно! бѣдненькая, ты не умѣешь жить въ свѣтѣ. Упрямятся ли передъ такимъ человѣкомъ, каковъ я? Заставляютъ ли его прилагать о томъ свою прозьбу? Не уже ли въ большемъ свѣтѣ наблюдается цѣломудріе.

Милордъ Гузей.

Вотъ наставленія, которыми буду я пользоваться.

Маркизъ.

Все то, что я вамъ сказывалъ, хотя и покажется для многихъ людей

весьма нахальнымъ, однако весьма оно нужно. Надобно дать знать о себѣ и объявлять о своей знатности. Надлежитъ безъ всякаго стыда сказать явно о своемъ разумѣ, храбрости, природѣ и о пригожствѣ. Свѣтъ почитаетъ насъ не инако, какъ столько, сколько цѣнимъ мы сами себя, и изъ всѣхъ человѣческихъ дурныхъ качествъ не знаю я хуже воздержности: она задушаетъ прямое достоинство и погребаетъ его въ землю живое. Пускай дураки называютъ все это безстыдствомъ! но такое безстыдство выводитъ людей на свѣтъ и подаетъ имъ къ тому способъ, что могутъ они блестѣть.

Милордъ Гузей.

Теперь уже я знаю, что значатъ виды; какъ же мнѣ хочется себѣ ихъ придать! Куда какъ желается мнѣ нетерпѣливо ими пощеголять!

Милордъ Крафъ (въ заднемъ концѣ театра.)

Сынъ мой весьма въ хорошихъ расположеніяхъ, и продолжаетъ самой прекрасной разговоръ.

Ми-

Милордъ Гузей.

Какъ достигли мы до сей статьи, то бы хотѣлося мнѣ васъ попросить, чтобъ дали вы мнѣ знать, какія суть нужныя качества къ составленію свѣтскаго человѣка?

Маркизъ.

Паче всего надлежитъ быть рождену съ великою повѣренностію и съ хорошимъ мнѣніемъ о себѣ самомъ, имѣть счастливое дарованіе, склонность къ насмѣшкамъ и къ переговорамъ, съ природною склонностію къ веселью и къ самой распутности; а притомъ надлежитъ любить чрезвычайно въ любовницахъ своихъ перемѣну, и быть всесвѣтнымъ волокитою.

Милордъ Гузей.

Благодаря Бога, я ко всѣмъ этимъ дѣламъ имѣю сильнѣйшую склонность.

Маркизъ.

Но паче всего этого надлежитъ награждену быть отъ природы пріятностями, безъ чего всѣ другія качества дѣлаются безполезными; надобно во всемъ томъ, что ни станете вы дѣлать, имѣть вольность, хорошій вкусъ, весе-

лой нравъ, шутки, вѣтреность, и лучше проступиться противъ благопристойности, нежели не оказать пріятности. Она-то нужнѣе всего, и имѣя онную можно презирать все прочее: и естьли бы надлежало выбирать, то согласился бы я гораздо лучше какое нибудь сдѣлать дурачество съ пріятностію, нежели оказать учтивость съ подлымъ видомъ. Должно во всѣхъ вашихъ рѣчахъ быть остротѣ, живости, красотѣ и блистанію. Естьли же можете вы оказать остроту своего разума, то отнюдь не заботьтеся о здравомъ разсужденіи, потому что случается часто блестѣть однимъ изъ нихъ не инако, какъ съ оказаніемъ недостатка въ другомъ.

Милордъ Крафъ (у задней стѣны театра.)

Какая глупость!

Милордъ Гузей.

Мнѣ кажется, господинъ Маркизъ, что позабыли вы о двухъ самыхъ важныхъ качествахъ.

Маркизъ.

О какихъ?

Ми-

Милордъ Гузей.

О дарованіи, чтобъ умѣть хорошо лгать и клясться съ пріятностію.

Маркизъ.

Вы говорите сущую правду: ничто такъ не украшаетъ рѣчи, какъ сказанная кстати ложь и учиненная въ приличность ко времени и мѣсту клятва.

Милордъ Гузей.

Въ этомъ я также довольно искусенъ; а особливо клянуся я прекрасно, и никто такъ не умѣетъ выговорить, какъ я: *провалиться бы мнѣ сквозь землю, чортъ меня возьми, или задави меня чорная немочь.*

Милордъ Крафъ (*взади театра.*)

Ахъ мошенничишко!

Маркизъ.

Какъ вамъ нестыдно, государь мой! эти клятвы старинныя и которыя разошлися уже вездѣ, а надобно употреблять клятвы отличныя и совсѣмъ новыя; для чего я вамъ при первомъ моемъ съ вами свиданіи и подарю брани и клятвы новыя, сочиненныя нѣкоторымъ драгунскимъ

Капитаномъ, пересмотренныя Офицеромъ морскимъ, умноженныя однимъ Гасконскимъ Аббатомъ, которой проигралъ всѣ свои деньги въ тавлеи. Онѣ составляютъ весьма прекрасную книгу, изъ которой получите вы великое наставленіе.

Милордъ Крафъ (***вставая.***)

Я уже очень много терпѣлъ, а теперь не могу больше воздержаться.

Милордъ Гузей.

Ахъ! я вижу отца моего, хотя и не думалъ чтобъ былъ онъ къ намъ столь близко.

Милордъ Крафъ (***съ насмѣшливымъ видомъ.***)

Вы конечно хотите, господинъ Маркизъ, чтобъ поблагодарилъ я васъ за хорошее наставленіе, которое преподавали вы моему сыну, Милорду Гузею?

(***сухимъ видомъ.***)

Что же слѣдуетъ до васъ, государь мой, то очень я доволенъ, увидя въ чемъ проводишь ты свое время.

Ми-

Милордъ Гузей (въ смятеніи.)

Господинъ Маркизъ... дѣлаетъ мнѣ... милость въ томъ, что старается исправить вкусъ мой.

Маркизъ (смотря на Милорда Крафа.)

Да, государь мой, я его училъ такому дѣлу, которому бы весьма не худо научиться и вамъ.

Милордъ Крафъ (къ Милорду Гузею.)

Ну, теперь ты поди вонъ; а я весьма скоро подамъ тебѣ другія наставленія.

(Милордъ Гузей уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Маркизъ и Милордъ Крафъ.

Маркизъ.

О Боже мой! я сомнѣваюсь, можете ли вы во всю жизнь вашу дать столь много разумныхъ наставленій, сколько преподалъ я ему въ одну четверть часа.

Ми-

Милордъ Крафъ.

Прежде нежели буду я вамъ отвѣчать, покорно прошу сказать мнѣ, что такое есть разумъ, и въ чемъ вы его полагаете?

Маркизъ.

Разумъ въ разсужденіи души есть то, что хорошіе поступки въ разсужденіи тѣла. Онъ украшаетъ насъ и дѣлаетъ пріятными, и по мнѣнію моему состоитъ въ разсказываніи пріятномъ ни о чемъ, и въ придаваніи блистательнаго оборота малѣйшимъ бездѣлицамъ, и вида новостей такимъ вещамъ, которыя находятся весьма уже давно въ нашемъ употребленіи.

Милордъ Крафъ.

Естьли въ этомъ только состоитъ разумъ, то мы его совсѣмъ не имѣемъ, да и не стараемся его пріобрѣсть; а естьли заключите вы его въ здравомъ разсужденіи. . . .

Маркизъ.

Нѣтъ, государь мой! я еще не столь глупъ, чтобъ сталъ равнять разумъ, или лучше сказать остроуміе, съ здравымъ разсужденіемъ. Здравое разсужденіе

ніе имѣютъ и самые простоумные люди, которыхъ можно сыскать на всякомъ перекресткѣ во всякой странѣ; но остроуміе не находится нигдѣ, кромѣ одной только Франціи, и буде сказать прямо, то здѣсь-то состоитъ прямое его обиталище, откуда и снабжаемъ мы имъ другихъ Европейскихъ жителей. Остроумной человѣкъ перелетаетъ изъ одного разсужденія въ другое, и смотритъ на однѣ только поверхности всякихъ вещей; напротивъ же того имѣющій здравое разсужденіе, или благоразуміе, потѣетъ въ разсмотреніи самыхъ бездѣлицъ, употребляя къ тому наблюдаемой въ школахъ порядокъ. Оно-то дѣлаетъ человѣка непроворнымъ, педантомъ, задумчивымъ, молчаливымъ, скучнымъ, бичемъ каждой бесѣды, тягостнымъ нравоучителемъ, забывчивымъ, однимъ словомъ настоящимъ. . . .

Милордъ Крафъ.

Агличаниномъ! не правда ли?

Маркизъ.

Изъ учтивости не хотѣлъ было я вамъ того сказать: но вы на него указали пальцомъ.

Ми-

Милордъ Крафъ.

То есть, что по вашему мнѣнію Агличане имѣютъ у себя благоразуміе, а нѣтъ у нихъ остроумія?

Маркизъ.

Очень хорошо.

Милордъ Крафъ.

И что Французы люди остроумные, однако не стараются имѣть у себя здраваго разсужденія?

Маркизъ.

Точно такъ.

Милордъ Крафъ.

Все Французское государство обязано вамъ благодарностію за столь хорошее о немъ описаніе. Но понеже вы презираете благоразуміе, то знаете ли вы, государь мой, что имѣю я право поспорить, естьли полно у васъ и самой разумъ?

Маркизъ.

Полно шутить, государь мой! можете ли вы не приписывать мнѣ того, чѣмъ снабженъ я дѣйствительно, и чего сами вы у себя не имѣете?

Ми-

Милордъ Крафъ.

Я хочу вамъ доказать, что разумъ не можетъ существовать безъ благоразумія.

Маркизъ.

Существовать, существовать! это слово очень пахнетъ школою.

Милордъ Крафъ.

Хотя я и благородной человѣкъ, но не стыжуся говорить по ученому, и подтверждаю, что разумъ есть ничто иное, какъ украшенное свѣдѣніемъ, здравое разсужденіе.

Маркизъ.

Вы хотите говорить мнѣ со употребленіемъ доводовъ.

Милордъ Крафъ.

Я сдѣлаю еще и того больше: и буду вамъ доказывать....

Маркизъ.

Нѣтъ, государь мой! мнѣ никто на свѣтѣ не докажетъ и не можетъ меня въ сей вещи увѣрить.

Милордъ Крафъ.

Какъ бы вы ни были упрямы, однако я васъ побѣжду силою моихъ разсужденій...

Маркизъ.

У васъ на рукѣ первой воды бриліянтовой перстень, которой очень хорошей работы.

Милордъ Крафъ.

Не тотъ ли это разумной человѣкъ, которой отъ бездѣлицъ приходитъ въ замѣшательство, и занимается малостями въ то самое время, когда предлагается ему самой важной вопросъ.

Маркизъ.

Эхъ, государь мой! развѣ вы не видите, что сдѣлалъ я съ умыслу сей вопросъ для того, чтобъ дать вамъ учтивымъ образомъ знать, чтобъ пересѣкли вы ученую рѣчь вашу, которая меня отягчаетъ.

Милордъ Крафъ.

Это весьма удивительно, что здравое разсужденіе бываетъ вамъ въ тягость, а однѣ только бездѣлицы . . .

Маркизъ (поетъ.)

Безъ любви и безъ ея прелестей,
все бы ослабѣвало на семъ свѣтѣ.

Милордъ Крафъ.

Для такого молодца, которой хвастается учтивостію, весьма не проститель-

тельно имѣть въ томъ недостатокъ; да и я очень снисходителенъ, что хотѣлъ убѣдить доказательствами такова шалуна.

Маркизъ.

Постойте, государь мой! Когда бываемъ мы тронуты колкимъ или острымъ словомъ, то стараемся и отмстить такимъ же образомъ. Но естьли кто дойдетъ до того, что осмѣливается выговорить намъ какое нибудь грубое ругательство, то вотъ какъ мы ему отвѣчаемъ.

(*онъ вынимаетъ свою шпагу.*)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Маркизъ, Милордъ Крафъ и Баронъ.

Баронъ (*удерживая Маркизову шпагу.*)

Перестань, Маркизъ! и знай, что въ Лондонѣ запрещено вынимать свою шпагу.

Маркизъ.

Экая бѣда! не ужъ-то когда кто кому наскучитъ, не можно будетъ ему

за

за то выговорить, и въ случаѣ оскорбленія за то отмщать? Нѣтъ! я получу свое удовольствіе, хотя бы надлежало мнѣ сражаться и со всемъ симъ городомъ.

Милордъ Крафъ.

Чтобъ удержать мой справедливой гнѣвъ, то имѣю я нужду во всемъ моемъ хладнокровіи.

Баронъ (Маркизу.)

Удержи свою запалчивость: вить ты здѣсь не во Франціи!

Маркизъ.

Я ѣду тотчасъ вонъ: потому что естьли пробуду здѣсь еще долѣе, то не буду самъ себѣ господиномъ. Прощай, господинъ Агличанинъ, и буде ты имѣешь у себя сердце, то конечно увидишься со мною за городомъ.

(*онъ выходитъ.*)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Баронъ и Милордъ Крафъ.

Баронъ.

Я вамъ, государь мой, сдѣлаю за нево удовлетвореніе; да и прошу васъ, чтобъ извинили вы вѣтреность молодаго человѣка, которой выѣхалъ изъ своего государства еще впервые, почему и думаетъ, что всѣ люди должны поступать по Французскимъ юбыкновеніямъ.

Милордъ Крафъ.

Право, государь мой, вы меня удивляете!

Баронъ.

Чѣмъ же?

Милордъ Крафъ.

Тѣмъ, что будучи Французомъ, разсуждаете вы столь разумно.

Баронъ.

Ахъ, государь мой! можете ли вы вдаваться въ такое предразсужденіе, которое не приличествуетъ такому разумному человѣку, каковымъ вы мнѣ кажетесь, и заключать о цѣломъ государствѣ по такому шалуну, котораго вы теперь

видѣли. Вѣрьте мнѣ, государь мой, что и въ самой Франціи есть также разумные люди, какъ и въ другихъ государствахъ; а естьли сыскиваются между нами повѣсы, то смотримъ мы на нихъ такими же глазами, какъ и вы; узнаемъ ихъ дурачества прежде всѣхъ, и смѣемся надъ ихъ глупостями. Впрочемъ это такое нещастіе, которое раздѣляемъ мы съ другими народами: всякая страна имѣетъ свои пороки и каждое государство своихъ подлинниковъ. И такъ прошу васъ, государь мой, выттти изъ вашего заблужденія, кое не сходствуетъ съ вашимъ здравымъ разсужденіемъ, и возвратиться къ разуму, которой вы столь много почитаете.

Милордъ Крафъ.

Такъ, государь мой! я уже вамъ уступаю, и чувствую сколь сильно такія доказательства дѣйствуютъ надъ разумомъ, а особливо тогда, когда бываютъ онѣ выговорены съ учтивостію и ласкою; въ слѣдствіе чего и прошу я у васъ вашей къ себѣ дружбы и любви; вы же напротивъ того уносите уже съ собою мое къ вамъ почтеніе и преданность.

Баронъ.

Ахъ государь мой! я уже возъимѣлъ къ вамъ совершенную дружбу, почему и позвольте себя обнять и оказать чувствительную радость отъ того, что могъ склонить къ себѣ въ дружбу сердце столь достойнаго Агличанина. Эта побѣда для меня весьма лестная, да и почитаю я то себѣ за славу.

Милордъ Крафъ.

Прощайте, государь мой! я слыша ваши слова выхожу отселѣ съ великимъ о достоинствахъ вашихъ удивленіемъ.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Баронъ (*одинъ.*)

Вотъ такимъ-то образомъ незнакомые между собою люди полюбливаютъ другъ друга. Совсѣмъ тѣмъ сколь бы разумны они ни были, однако не льзя имъ не имѣть у себя нѣкоторыхъ полученныхъ ими при воспитаніи своемъ предразсужденій.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Баронъ и Финета.

Финета.

Ахъ, государь мой! знаете ли вы съ кѣмъ вы изволили говорить?

Баронъ.

Я знаю только то одно, что говорилъ съ самымъ умнымъ человѣкомъ.

Финета.

Это отецъ моей госпожи.

Баронъ.

Отецъ Еліантинъ? Я этотъ случай почитаю для себя весьма счастливымъ.

Финета.

Однако онъ же самой очень нещастливъ для господина Маркиза. Онъ, не зная его, съ нимъ поссорился, и разсказавъ мнѣ о томъ, въ превеликомъ сердцѣ вышелъ вонъ, не хотя слушать словъ моихъ. Надобно же было этому сдѣлаться въ то самое время, когда госпожа моя и я сама старалися вывести Милорда Крафа изъ того дурнаго мнѣнія, которое онъ объ немъ возъимѣлъ по слуху; да онъ было уже и согласился принять его къ себѣ въ зятья.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Баронъ, Еліанта и Финета.

Баронъ (*Еліантѣ.*)

Что же, государыня моя, надумались ли вы?

Еліанта.

Да, государь мой! я буду слѣдовать во всемъ повелѣніямъ моего родителя. И такъ естьли желаете вы получить меня въ супружество, то надлежитъ вамъ о томъ просить его.

Баронъ.

Естьли это такъ, то побѣгу я къ нему опрометью.

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Еліанта и Финета.

Финета.

Что же вы теперь изволите дѣлать?

Еліанта.

То, что мнѣ должно, послѣ узнанія о поступкахъ Маркизовыхъ; потому что естьли бы я его простила, то была бы уже недостойна любви моего родителя: послѣдняя его шалость открываетъ совсѣмъ глаза мои; почему нынѣ

и

и презираю я Маркиза столько, сколько онъ то заслуживаетъ.

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Милордъ Крафъ, Баронъ, Розбифъ, Еліанта и Финета.

Милордъ Крафъ (Барону и Розбифу.)

Государи мои! я не могу вамъ инако отвѣчать, какъ въ присутствіи моей дочери; а, да вотъ она и сама.

ЯВЛЕНІЕ послѣднее.

Милордъ Крафъ, Баронъ, Маркизъ, Милордъ Гузей, Розбифъ, Еліанта и Финета.

Милордъ Гузей (держа Маркиза за руку, гопоритъ) (Милорду Крафу.)

Батюшка! вотъ господинъ Маркизъ, которой находится въ отчаяніи отъ того, что у васъ съ нимъ произошло. Впрочемъ я васъ увѣряю, что онъ отъ природы столь учтивъ....

Ми-

Милордъ Крафъ.

Перестань бездѣльникъ! ты имѣешь еще и самъ немалую нужду въ томъ, чтобы кто нибудь меня попросилъ.

Маркизъ.

Милостивой государь мой! я не имѣлъ чести васъ знать.

Милордъ Крафъ.

Етого довольно, государь мой! я извиняю васъ въ разсужденіи вашей молодости, также и не принуждаю ни къ чему дочь мою, а доволенъ буду тѣмъ, что ей представлю. . . .

Еліанта.

Нѣтъ, батюшка! опредѣлите вы сами, и будьте увѣрены, что назначенной вами супругъ будетъ непремѣнно мнѣ угоденъ.

Маркизъ (говоритъ Еліантѣ тихо.)

Вы можете меня лишиться, въ чемъ конечно и раскаетеся.

Милордъ Крафъ (Еліантѣ)

Какъ не могу я прожить здѣсь болѣе трехъ дней, и какъ должно мнѣ необходимо выдать тебя замужъ прежде моего отсюда отъѣзда; то и по-

стараюсь я сдѣлать такой выборъ, которой бы былъ пристоинъ какъ для тебя, такъ и для меня: господинъ Маркизъ, вы самой прекрасной молодецъ!

Маркизъ.

Я это весьма знаю.

Милордъ Крафъ.

Однако не смотря на все сіе, весьма вы мало думаете о здравомъ разсужденіи; а оно весьма нужно для такого важнаго дѣла, каково есть замужство.

(*Якопу Розбифу.*)

Чтоже слѣдуетъ до васъ, государь мой, то хотя и имѣете вы у себя довольно здраваго разсужденія, однако не стараетеся наблюдать учтивости: а оная также весьма потребна для учиненія брачнаго союза благополучнымъ; потому что оной состоитъ во взаимномъ снисхожденіи, которое способствуетъ паче всего ко удовольствію обоихъ сочетающихся бракомъ. И такъ прошу васъ, государи мои, на меня не осердиться, что предпочту я обоимъ вамъ господина Барона, которой соединяетъ въ себѣ оба этѣ качества, и имѣетъ все

все то, что надобно ко учиненію дочери моей счастливою.

Баронъ (Милорду Крафу)

Хотя вы, государь мой, и учиняете меня благополучнымъ; но я не могу имъ быть совершенно, естьли сердце дочери вашей не согласится съ милостивымъ вашимъ для меня намѣреніемъ.

Еліанта.

Не сомнѣвайтеся ни мало, государь мой, потому что отецъ мой мнѣ даетъ въ супруги такого человѣка, котораго почитаю я больше всѣхъ людей на свѣтѣ.

Маркизъ.

Прощайте, государыня моя! вы больше наказаны, нежели я: для того что вы меня любите, а я отъѣзжаю.

(*уходитъ*)

Милордъ Гузей.

Поѣдемъ вмѣстѣ. Я хочу оказать мою учтивость во Франціи.

(*выходитъ также онъ*)

Розбифъ Милорду Крафу.

Прощайте! я на васъ не сержуся за то, что вы мнѣ отказали. Какъ етотъ

Французъ достоинъ быть Агличаниномъ, то принимая его къ себѣ въ зятья, и учинили вы самой лучшій выборъ.

(выходитъ.)

Баронъ Милорду Крафу.

Вы меня, государь мой, теперь увѣрили, что ничто не можетъ быть лучше учтиваго Агличанина.

Милордъ Крафъ.

А вы мнѣ дали знать, что съ разумнымъ Французомъ ничто на свѣтѣ сравниться не можетъ.

Конецъ.

